

Монро Мэрилин

02.06.01

Новые Известия - 2001 - 2 июня

Мэрилин Монро – блеск и нищета «Пакс Американа»

с. 3

75-летие Мэрилин Монро, полуофициального секс-символа XX века, германские визажисты отметили полумирично. По телеэкранам и обложкам гуляет компьютерный портрет «сегоднешней» Монро, доживи она до нынешнего юбилея: пожилая и ухоженная крашенная блондинка с жемчужной ниточкой на шее, глаза с поволокой, нежные складки в углах рта. «В голову закрадывается жестокая мысль: она сегодня уже созванивалась с Майклом Джексоном или договорилась встретиться за чашкой чая с Брандо?» – иронизирует по этому поводу берлинская «Вельт». Обывательская аккуратность этого образа выглядит закономерной.

Монро, подобно Дитрих или Орловой, принадлежит к тем «кинообразам», которые остаются в памяти и в истории вне своих фильмов. Фильмы лишь канал, по которым эпохе или стране является ее естество, воплощенное в женском обличье. Поэтому сегодня логичнее подвести итог не творческой карьере Мэрилин, а той эпохе, чьим мифом она стала. Все биографы Монро сегодня в один голос отмечают «маскарадность» ее мифа: для одних она была «возлюбленной всей Америки», для других образцом беспомощности, для кинобоссов – созданием, которое, как никакая голливудская кинодива, умело пробуждать мужские инстинкты и возмущение феминисток. И все едины в том, что эту двойственность нельзя угадать ни по одному из миллиона киноизображений Монро.

Двойственность эта коренилась в той среде, которая возвела Монро на мировой пьедестал. Монро стала символом победившего во второй мировой войне «Пакс Американа» – послевоенного американского буржуа, удивительно похожего своей стерильной и агрессивной правильностью на довоенного европейского. (Не случайно в Мэрилин были так узнаваемы черты нашей Любви Орловой и немки Марики Рёкк). Так же схожей была атмосфера маккартизма, германского Дня общего супа времен Гитлера, сталинских парадов и процессов.

Но было одно «но». В мифе Монро, идеально правильного и детского невинного существа, существенной частью были ее приход с социального дна, темные слухи о насилии со стороны собственного то ли отца, то ли отчима. Смотря нехитрые мелодрамы и комедии с ангельской блондинкой, обожествлявшая ее Америка как будто вспомнила слова одного из героев Фолкнера: «Общее отечество американцев – Олд-Бейли (Центральный уголовный суд в Лондоне. – А.И.)». Утверждая в Мэрилин свою моральную чистоту, в ее судьбе простая Америка смаковала свое, мягко говоря, пестрое «ковбойское» прошлое. Она заранее предписала своей героине печальный конец в стиле бульварных «роковых» романов прошлого, XIX века. И та жила от романа к роману в соответствии с отведенной ей ролью: вышедшее из подворотни прекрасное дитя не справляется с соблазнами жестокого большого мира и гибнет, оставаясь вечным укором миру богатых.

Сегодня зачастую можно услышать голоса о том, что Мэрилин ушла вовремя, даже чуть пережив свое время. Начинались «яростные шестидесятые», отбросившие причесанную буржуазную мораль и столь же причесанные «роковые» страсти. Новая эпоха принесла с собою не только «Битлз» и битников, хиппи и красный май 1968 года, но и новый, подчеркнутый неправильный и столь же подчеркнутый интеллигентный идеал женщины – Барбру Стрейзанд, Одри Хепбёрн, Джульетту Мазину.

Но Монро люди по обе стороны океана вспоминают с любовью, как детские игрушки и книжки с картинками, поскольку всегда нуждаются в небольшой дозе «очаровательной пошлости».

Александр ИВАНЦКИЙ, «Новые Известия»

945